

менные исследователи, поддерживая традиции отечественного языкознания, также указывают на то, что конкретное лексическое значение междометий «больше связывается с накладываемой на звук-шум интонацией, то есть имеется всякий раз, по существу, новая материальная форма» [8, с. 511].

Список литературы

1. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык. Морфология / Е. М. Галкина-Федорук; под ред. акад. В. В. Виноградова. – Москва : МГУ, 1952. – 495 с.
2. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений : в 7 т. / М. В. Ломоносов. – Москва – Ленинград, 1952. – Т. 7. – 413 с.
3. Радзиховская В. К. Морфология современного русского языка. Вводный курс / В. К. Радзиховская. – Москва : Флинта : Наука, 2001. – 120 с.
4. Телия В. Н. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович. – Москва : Наука, 1991. – 214 с.
5. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Наука, 2007. – Т. 1. – 603 с.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – 2-е изд., стереотип. – Москва : Наука, 2007. – Т. 4. – 603 с.
7. Чехов А. П. Рассказы. Пьесы / А. П. Чехов. – Москва : Олимп, 2000. – 640 с.
8. Шанский Н. М. Современный русский литературный язык / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – Москва : Просвещение, 1988. – 671 с.

References

1. Galkina-Fedoruk E. M. Sovremennyy russkij jazyk. Morfologija / ed. V. V. Vinogradov. Moscow, MSU, 1952. 495 p.
2. Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij : in 7 vol. Moscow, Leningrad, 1952. Vol. 7. 413 p.
3. Radzihovskaja V. K. Morfologija sovremennogo russkogo jazyka. Vvodnyj kurs. Moscow, Flinta, Nauka, 2001. 120 p.
4. Telija V. N., Grafova T. A., Shahnarovich A. M. Chelovecheskij faktor v jazyke: Jazykovye mehanizmy jekspressivnosti. Moscow, Nauka, 1991. 214 p.
5. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : in 30 vol. 2nd ed. Moscow, Nauka, 2007. Vol. 1. 603 p.
6. Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : in 30 vol. 2nd ed. Moscow, Nauka, 2007. Vol. 4. 603 p.
7. Chehov A. P. Rassказы. P'esy. Moscow, Olimp, 2000. 640 p.
8. Shanskij N. M., Tihonov A. N. Sovremennyy russkij literaturnyj jazyk. Moscow, Prosveshhenie, 1988. 671 p.

ФРАЗЕЛОЛОГИЗМЫ, СВЯЗАННЫЕ С БЫТОМ НАРОДА, В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рамазанова Ясаман Валех гызы, доктор филологии, доцент, Бакинский Славянский университет, AZ-1014, Республика Азербайджан, г. Баку, ул. С. Рустама, 33.

В статье даётся сравнительно-типологический анализ азербайджанских и русских фразеологизмов в лингво-культурологическом аспекте. Все компоненты фразеологизмов исследуются в метафорическом значении (хлеб, соль, огонь, смерть). Приведённые фразеологизмы отражают общие для повседневной жизни ситуации.

Ключевые слова: фразеология, история, языческие верования, культура, история, семантика, метафора

**FRAZEOLOGIZMY ASSOCIATED WITH THE LIFE OF THE PEOPLE,
IN AZERBAIJANI AND RUSSIAN LANGUAGES:
LINGUISTIC-CULTUROLOGICAL ASPECT**

Ramazanova Yasaman Valeh, Doctor of Philology, Baku Slavic University, AZ-1014, Azerbaijan Republic, Mr. Baku, 33 S. Rustam st.

The article deals with the analysis of phraseology of Azerbaijani language in linguistic-cultural aspect. The units with bread, salt components are researched. All components of these units are shown to participate in the process of metaphorisation. In most cases the units with bread, salt components have negative connotation. These units reflect common everyday life situation.

Keywords: phraseology, history, pagan beliefs, culture, history, semantics, metaphor

Образование фразеологизмов исконно русского характера тесно связано с жизнью народа, его историей, бытом, верованиями, общим развитием нации.

Быт и верования древних славян отразились в наиболее старых фразеологизмах русского языка. Большею частью они теперь уже не имеют осознаваемой образной основы, их историю приходится восстанавливать ученым. К таким фразеологизмам относятся следующие: *перемывать косточки, греть руки, с салазок долой, с копылье долой, выносить сор из избы, после дождичка в четверг, вбить осиновый кол*.

Фразеологизм *греть руки* связан с обычаем, разводить костры во время поминок умерших, чтобы покойники могли прийти и погреться у костра, погреть руки. В Древней Руси покойников отвозили на кладбище на санях, что породило ряд фразеологизмов, связанных с понятием смерти и похорон: *с салазок долой, с копылье долой* (копыль-столбик в санях). Выражение *выносить сор из избы* связано с существовавшим мнением о том, что можно причинить человеку вред, воздействуя на его частицы, которые якобы находятся в соре. Поэтому сор из избы не выметался, а подметался к порогу, собирался и сжигался в печи.

Значительным пластом русской фразеологии являются выражения, связанные с русскими древними ремеслами. Так, от столяров ведут начало фразеологизмы *без сучка без задоринки, разделать под орех, топорная работа, снять стружку (возникшее недавно)* и др.; от сапожников: *два сапога пара, на одну колодку сделаны* и др.; от скорняков: *небо с овчинку показалось, овчинка выделки не стоит*. Речь рыбаков и охотников отразилась во фразеологизмах *ловить рыбку в мутной воде, мутить воду, попасться на удочку, закидывать удочку, заметить следы, держать нос по ветру*.

В русской фразеологии отразились детали русского быта, например, *лаптем щи хлебать, лапти плести, не всякое лыко в строку, заварить кашу, не в коня корм, поворачивать оглобли* и др. От русских игр ведут свое начало фразеологизмы *играть в бирюльки, жив курилка, играть в прятки, лежачего не бьют, положить на обе лопатки, водить хоровод* и др.

В русском языке национальная кухня также дает материал для фразеологизации. Прежде всего, в русской фразеологии выделяется парадигма со словом *хлеб*. Таким образом, тот культурологический факт, что хлеб является основным продуктом питания русского народа, находит отражение в национальной фразеологии, следовательно, и в национально-языковой картине мира. Во фразеологическом словаре русского языка (ФСРЯ) представлены следующие фразеологизмы с компонентом *хлеб*: *водить хлеб-соль, даром хлеб есть, есть чужой хлеб, забывать хлеб-соль, и то хлеб, садиться на хлеб и воду, сажать на хлеб и на воду, хлеб насущный, хлеб-соль, перебиваться с хлеба на квас, на хлебах, сидеть на хлебе и на воде, хлебом не корми*.

В основу фразеологизации словосочетаний с компонентом хлеб ложится высокая ценность продукта, но не конкретные его особенности. Это особенность позволяет сделать вывод о том, что культурологическая особенность национальной кухни в одном случае выдвигает на передний план высокую ценность продукта, или просто ценность, в другом случае – особенности его формы и содержания. Данный критерий позволяет делить такого рода фразеологизмы на две части.

Например, во фразеологизме *хлебом не корми* выпукло представлена высокая ценность символа хлеб в русской культуре. Сама семантическая структура фразеологизма представляет этот фразеологизм как самый ценный продукт питания. Значение фразеологизма определяется следующим образом: «Ничего не надо кому-либо, (только бы иметь возможность получить, осуществить желаемое). Выражение сильного пристрастия, желания, устремленности и т.п.

Механизм фразеологизации здесь представлен со всей очевидностью, т.е. кто-то чего-то так сильно желает, что даже готов отказаться от хлеба.

Символом высокой ценности является реалия калач и представления о нем, имеющиеся в сознании русского человека. Они представлены в семантической структуре фразеологизма *калачом не заманишь*. Однако, в отличие от фразеологизма *хлебом не корми*, в семантической структуре фразеологизма *калачом не заманишь* представлена такая культурологическая особенность, как «вкуснота». То есть культурологическое содержание данного фразеологизма заключается в том, что «даже такой вкусной вещью, как калач, невозможно кого-то куда-то привезти, или заставить что-либо сделать».

Символом очень ценного продукта выступает культурологическое название кисель в составе фразеологизма *молочные реки и кисельные берега*. В ФСРЯ значение данного фразеологизма определяется следующим образом: «Привольная, обеспеченная жизнь» Как видим, и в этом случае в основе фразеологизации лежит высокая ценность продукта, но не особенности формы и содержания денотата.

Второй компонент молоко также символически представляет высокую ценность продукта в пространстве русской культуры. При этом особенности формы или содержания денотата не участвуют в процессе фразеологизации.

Культурологический компонент щи встречается в двух фразеологизмах. Это единицы *лаптем щи хлебать*, и *как кур в щи* (попадать). Первый означает: «Жить, прозябать в нищете, невежестве, быть отсталым, некультурным», второй: «попадать» «в неожиданную беду, неприятность».

В семантической структуре первого фразеологизма есть и другой культурологический компонент: лапоть, который также, как и щи, обеспечивает организацию образной основы этой единицы вторичной номинации. Оба культурологических компонента непосредственно воздействуют на каннотацию и однозначно определяют негативный характер фразеологической семантики. Более того, компонент лапоть в русском языке означает отсталость.

Разумеется, одно из центральных мест в русской культурологической фразеологии занимает компонент *каша*. Понятно, что это не случайно. Функциональная значимость данного компонента всецело определяется местом данного блюда в системе русской национальной кулинарии и соответственно его простотой и обычностью.

В русском языке представлена фразеосемантическая парадигма с компонентом каша, в которую входят фразеологизмы *каша в голове*, *каша во рту*, *каша заваривается*, *дать березовой каши*, *каши не сварить*, *каши просят*, *мало каши ел*, *расхлебывать кашу*, *кашу заварить*.

Компонент каша в составе этих фразеологизмов актуализирует различные особенности культурной реалии и соответствующих культурных ситуаций. Так, фразеологизмы каша в голове и каша во рту актуализируют такую

особенность культурной реалии, как «месиво». Если месиво во рту, то ничего невозможно понять из того, что говорит человек. Если «месиво» в голове, то человек имеет сумбур мыслей, не позволяющий окружающим понять его.

В семантической структуре фразеологизма *ağzi qatıq (pendir) kəsmir* компонент *qatıq, pendir* выступает символом чего-то очень мягкого, или предельно мягкого, т.е. «о чем же говорить, если зубы его не разрезают даже сыра или кефира».

Символическое значение приобретает слово *qovut* в семантической структуре фразеологизма *aranda tutdan olmaq, dağda qovutdan*, которое следующим образом толкуется в Словаре Оруджева: «досл.; в долине лишиться тут, а в горах – толченой жареной пшеницы (лакомства)// остаться у разбитого корыта; лишиться того и другого».

Фразеологизм *bağrı kabab olmaq* гиперболизирует свойство не самого национального блюда, а ситуации его приготовления, а именно верчения на огне, т.е. культурологический признак дает основание для фразеологизации. Парадигматическим считать выражение вариантом этого фразеологизма можно считать выражение *bağrını kabab eləmək*. Символом фразеологизации является сжигание на огне, следовательно, фактором, усиливающим экспрессию, является не столько само блюдо (kabab), сколько сопутствующий фактор: готовка на огне.

Можно считать немотивированным фразеологизм *bozbaş qızdırmaq*. Совершенно непонятно соотношение этимологических значений компонентов и фразеологического значения. В Словаре Оруджева читаем: «*Vozbaş qızdırmaq* /досл.; *bozbaş* подогревать (*bozbaş* название восточного блюда) угодничать, угодить (на чей) вкус, льстить (кому).

Отмечая немотивированность данного фразеологизма, мы исходим из того обстоятельства, что прямая связь между этимологическими значениями фразеологизма и фразеологическим значением отсутствует. Вместе с тем, разумеется, возможны догадки. Например, само понятие «подогревать что-то, какое-то блюдо для кого-то» ассоциативно вполне может соотноситься с понятием «угодничество».

В ироническом смысле употребляется фразеологизм *burnuna yağlı kabab iyi gəlmək*. Компонент *yağlı* призван подчеркнуть ироническое значение фразеологизма. Значение фразеологизма прозрачно, компонент *kabab* и таким образом усиливает экспрессию. В Словаре Оруджева фразеологизм дается в значении «обманываться в своих надеждах, ожиданиях».

В азербайджанском языке существует парадигма выражений с компонентом *kabab*. Это парадигма строится в основном на двух признаках: запахе и соприкосновении с огнем, т.е. страдании, наказании. Например, *kabab iyinə getmək, kabab kimi qovrulmaq, kabab eləmək, kabab olmaq*. Первый фразеологизм означает «обмануться в своих надеждах, ожиданиях». Здесь опять-таки обыгрывается такая особенность денотата, как сильный запах. Таким образом, запах сам по себе становится символом чего-то привлекательного и обманчивого.

В таких фразеологизмах, как *kabab kimi qovrulmaq, kabab eləmək, kabab olmaq*, вновь актуализируется сема «страдание». Или кто-то страдает (жарится на огне, горит на огне) или кого-то заставляют страдать. В эту парадигму можно ввести и такой фразеологизм, как *şişə taxıb közə tutma*.

Культурологический компонент выступает в процессе фразеологизации символом не просто чего-то вкусного, а почти недостижимого в смысле редкости праздничности и вообще привлекательности. Более того, совсем не случайно переосмысление словосочетания именно с компонентом *kabab* /шашлык. Дело в том, что ассоциативный признак однозначно выпячивает особенности денотата лексической семантики и соответствующей культурной реалии. Суть этого ассоциативного признака заключаются в том, что шашлык

и его приготовление характеризуется резким приятным запахом жарящегося на углях мяса.

Универсальный характер фразеологизации этой парадигмы непосредственно связан с символическим переосмыслением понятий «хлеб» и «соль».

На наш взгляд, преобладание в данной парадигме фразеологизмов с отрицательной коннотацией есть косвенное культурологическое подтверждение высокой ценности этих фразеологизмов и тех человеческих отношений, которые этими символами обозначаются. Парадигма в целом, нося отрицательный характер, подчеркивает недопустимость тех действий «забывчивости, неблагодарности, равнодушия», которые нашли фиксацию в семантической структуре этих выражений.

Универсальный символ чаши актуализируется в семантической структуре фразеологизма *əcəlın şərbətin içmək*. Правда, понятие «чаша» здесь заменяется понятием символического напитка «шербет». В Словаре Оруджева значение этого фразеологизма определяется следующим образом: «*досл.; пить (запить) шербет смерти/торж. //отойти от мира сего, уйти в лучший мир*».

На первый взгляд может показаться что культурологический компонент шербет является пустым с точки зрения фразеологизации, т.е. на этимологическом уровне актуализируется глагол *іçmək*, соотносящейся с действием вообще, а в данном случае с понятием «умереть», и основное для данного фразеологического значения понятие «судьба, рок», представленное в компоненте *əcəl*. На самом же деле компонент шербет имеет первостепенное значение для образования данного фразеологического значения. Понятие «сладость» в семантической структуре этого фразеологизма на периферийном уровне ассоциируется с понятием «забвение».

Таким образом, в семантической структуре фразеологизма отражены не только реалии национальной кухни (шербет), но и философские, мифологические и религиозные представления. В этом смысле, разумеется, семантика выражения *əcəlın şərbətin içmək* сложнее значения рассмотренных выше.

Лингвокультурология как особая область лингвистики сегодня только формируется. Поэтому необходимо проведение большого количества исследований на материале многих языков и с привлечением самого различного языкового материала. Такое разнообразие будет способствовать не только накоплению материала, но и теоретическому его осмыслению. Фактически можно говорить о двух лингвокультурологических теориях. Первая исходит из общих принципов и положений современной лингвистики. Вторая только формируется и будет совершенствоваться с каждым исследованием.

Список литературы

1. Азербайджанско-русский словарь : в 4 т. / под ред. М. Т. Тагиева. Баку : Элм, 1986. – Т. 1.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Русский язык, 1990. – 917 с.
3. Оруджев А. А. Азербайджанско-русский словарь / А. А. Оруджев. – Баку : Элм, 1976. – 248 с.
4. Тагиев М. Т. Русско-азербайджанский словарь / М. Т. Тагиев. – Баку : Maarif, 1974. – 246 с.

References

1. Azerbajdzhansko-russkij slovar': in 4 vol. / ed. M. T. Tagiev. Baku, Jel'm, 1986. Vol. 1.
2. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka. Moscow, Russkij jazyk, 1990. 917 p.
3. Orudzhev A. A. Azerajdzhansko-russkij slovar'. Baku, Jel'm, 1976. 248 p.
4. Tagiev M. T. Russko-azerbajdzhanskij slovar'. Baku, Maarif, 1974. 246 p.